

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1278–1300, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (571.150):314.7.045

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1278-1300

«Святое поле»: социальная и культурная память о депортациях в сельском ландшафте юга Западной Сибири (на примере Алтайского края)

Татьяна Кирилловна Щеглова¹

¹ Алтайский государственный педагогический университет (д. 55, ул. Молодежная, 656031 Барнаул, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0003-2738-414X. E-mail: tk_altai@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Щеглова Т. К., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена мемориализации памяти жертв депортаций и современным коммеморациям в сибирском принимающем обществе. *Цель* данного исследования — рассмотреть состояние памяти о депортациях принимающего населения, о путях и способах мемориализации и о формах коммемораций в региональном обществе и культурном пространстве. В качестве гипотезы выступает предположение, что мемориализация началась в 1990-е гг. в обществах депортированных народов в национально-административных территориях (республиках, округах и т. д.) под влиянием государственной политики. Триггером послужила реабилитация депортированных народов СССР, которая запустила процессы мемориализации и формирование коммемораций. В публикации изложены результаты многолетних исследований памяти сельского населения сибирского региона методами устной истории и этнологии. *Материалы и методы.* Основными источниками являются материалы интервью очевидцев, в среде которых размещали и в которой проживали депортированные; визуальные места памяти, включающие не только установленные на Алтае памятники жертвам депортаций, но и следы памяти о депортациях в народной топонимике, в застройке сел, в захоронениях на сельских кладбищах и других видах «отвердения памяти». *Результаты и выводы.* Автор пытается компенсировать историю депортаций, написанную в отечественной историографии, преимущественно на основе памяти депортированных, изучением памяти принимающего сельского населения и сибирского культурного ландшафта. Автором определяются особенности процессов и путей мемориализации памяти о жертвах депортаций в местах высылки и формах коммемораций. Одним из важнейших вопросов стало выявление соотношения в этих процессах инициативы «сверху» — от государственно-властных структур, с инициативой «снизу» — от российского общества, в том числе отношение и участие сибирского сельского населения в мемориализации депортаций на протяжении 1990–2020-х гг.

Ключевые слова: депортации, Алтайский край, депортированное и принимающее население, социальная и культурная память, «места памяти», мемориализация, коммеморации, памятники, сибирский культурный ландшафт

Для цитирования: Щеглова Т. К. «Святое поле»: социальная и культурная память о депортациях в сельском ландшафте юга Западной Сибири (на примере Алтайского края) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 5. С. 1278–1300. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1278-1300

The Sacred Realm: Social and Cultural Memory of Deportations in Rural Landscapes across the South of Western Siberia (Altai Krai)

Tatiana K. Shcheglova¹

¹ Altai State Pedagogical University (55, Molodezhnaya St., 656031 Barnaul, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0003-2738-414X. E-mail: tk_altai[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Shcheglova T. K., 2023

Abstract. *Introduction.* The article deals with the memorialization of victims of deportations and contemporary commemoration practices witnessed in Siberian recipient society. *Goals.* The study attempts an insight into the deportation-related memories of recipient communities, memorialization means and trends, commemoration forms in the region's society and cultural environment. The hypothesis is that the memorialization processes were actually (and largely) ignited among the deported peoples (and their local autonomies) by Russian government policy of the 1990s. It was the rehabilitation of Soviet ethnic deportees that triggered the memorialization movement and the emergence of related commemorations. The publication presents results of the long term research into memories of rural Siberians conducted through the methods of oral history and ethnology. *Materials and methods.* The study focuses on eyewitness accounts and interviews with individuals representing the once recipient communities, commemoration sites that include not only monuments to deported victims installed in the Altai but also some traces of deportations evident from folk toponymy, rural housing stock, burials across local cemeteries, and other types of 'memory solidification'. *Results and conclusions.* The paper seeks to supplement the published history and historiography of deportations — largely based of the deportees' memories and experiences — with insights into perceptions of recipient communities and Siberian cultural landscapes. Special attention is paid to certain distinguishing features of the memorialization processes and ways in places of actual residence and death of the deportees and related commemoration forms. The work also strives to reveal an actual correlation between the 'downward' (from government agencies) and 'upward' (from the public) initiatives, and specifically the contribution of rural Siberian population to the memorialization of deportations in the 1990s–2020s.

Keywords: deportations, Altai Krai, deportees and recipient population, social and cultural memory, commemoration sites, memorialization, commemoration, monuments, Siberian cultural landscape

For citation: Shcheglova T. K. The Sacred Realm: Social and Cultural Memory of Deportations in Rural Landscapes across the South of Western Siberia (Altai Krai). *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1278–1300. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1278-1300

1. Введение

Депортации в СССР в 1940–1950-х гг. являлись частью истории периода Второй мировой войны. Их история не может быть вырвана из контекста международ-

ных, политических и военных событий. Обычно в работах пишут о более чем трех миллионах людей, подвергнутых депортации с европейской части СССР в Сибирь и республики Средней Азии [Бугай 1995: 5].

Однако людей, втянутых в эти процессы, было в несколько раз больше, поскольку депортации коснулись не только самих депортированных, но и затронули население принимающих обществ в местах размещения депортированных. Депортации повлияли на их жизнь и развитие как в период совместного проживания, так и в последующем, оставили свой след в культуре и экономике регионов.

Депортации в силу их массовости не могли не остаться в памяти сибирского общества. Несомненно, память депортированного населения более ярко и выпукло хранит информацию о том, «как это было», и она находится в зоне травмы. Полевые материалы показывают, что социальная память депортированных и в первом, и в последующих поколениях до наших дней находится в зоне семейных коммуникаций и воспоминаний [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ]. Что касается сибирского принимающего общества, то на первом месте в памяти о войне в наши дни находится информация о трагедиях, связанных с семейными потерями на фронте и трудными условиями жизни и труда оставшихся членов семьи в тылу. Память местного сибирского населения по-другому расставляет акценты в воспоминаниях о военном времени; информация о депортациях хранится на периферии, но легко актуализируется наводящими вопросами. На сегодняшний день не так много создано воспоминаний о приеме депортированных в преимущественно сельское общество, об их устройстве, о взаимоотношениях депортированного и принимающего общества, об адаптации тех и других к ситуации и т. д. Изучение истории сибирского общества в условиях депортаций, их влияния на жизнь сибиряков и последствий только начаты в отличие от изучения социальной памяти депортированного населения. Исследователями проделана огромная работа по фиксации воспоминаний депортированных о высылке, транспортировке и организации труда в ссылке, создана на их основе обширная база источников, которую еще предстоит без эмоционального накала «переварить» в исследовательском «котле». Этому способствовал этап проговаривания травмы депортированными народами после длительного замалчивания в советское время и реабилитации в постсоветский период

[Бруль 1995; Алексанян 2007]. Важный «терапевтический» эффект носила и последующая за проговариванием травмы мемориализация этих событий — как на уровне национально-административных территорий (Республики Чечня, Калмыкия, Ингушетия и др.), так и по Российской Федерации в целом [Полян 2010].

Частью этих процессов стали преобразования памяти российского общества — и депортированного, и принимающего сибирского сельского населения — из социальной (коллективной, семейной, индивидуальной) в культурную. Носителями социальной памяти выступают дети и внуки участников и очевидцев тех событий. Как известно, этот вид памяти как способ существования эмпирического (жизненного) опыта недолговечен. Информация о расселении и пребывании депортированных в селах в памяти индивидуальной и в памяти коллективной, как и любой вид нематериализованной памяти, теряется со временем. Если верить главным разработчикам теории о социальной памяти [Ассман 2014: 22–24], то информация благодаря семейным коммуникациям хранится 3–5 поколений; травматическая память существует, несомненно, дольше. Сохранению социальной памяти способствует трансформация ее в какие-либо материальные объекты — публикации и книги, сайты или интернет-порталы, памятные знаки и памятные места, памятники и мемориалы.

Цель данного исследования — рассмотреть состояние памяти о депортациях принимающего населения, о путях и способах мемориализации и о формах коммемораций в региональном обществе и культурном пространстве. В качестве гипотезы выступает предположение, что мемориализация началась в 1990-е гг. в обществах депортированных народов в национально-административных территориях (республиках, округах и т. д.) под влиянием государственной политики. Триггером послужила реабилитация депортированных народов СССР [Декларация 1989], которая запустила процессы мемориализации и формирования коммемораций. Частью процессов мемориализации стало обращение депортированных и их потомков к местам высылки с целью поминовения трагических событий, в том числе семейных потерь родных и близких. В наци-

ональных республиках в основе процессов мемориализации и сложившейся системы коммемораций о жертвах депортаций лежит алгоритм Дней памяти, установленных у депортированных народов в дни опубликования документов об их депортации, для немцев — это 28 августа, для армян — это 14 июня, для калмыков — 28 декабря и т. д.

Это движение нашло отклик в регионах принятия депортированных (в нашем случае — в Алтайском крае), было поддержано в русле общегосударственной политики региональными властями и региональной общественностью в контексте «отвердения» общей памяти о жертвах политических репрессий. В отличие от поминовения других категорий репрессированных, тех же раскулаченных крестьян, количество которых сопоставимо с количеством депортированных [Земсков 1995: 118–127].

Отсутствие на современном этапе установленных Дней памяти жертв таких политических репрессий, как раскулачивание, «большой террор» и других масштабных кампаний, коснувшихся сибирского, в том числе русского населения, негативно оказывает влияние на коллективную, культурную, национальную память. Подтверждением, например, служит одна из публикаций об открытии памятника раскулаченным в с. Палочка по инициативе ее жительниц Ирины Янченко и Гульнары Корягиной, который стал только в 2018 г. первым в процессе мемориализации памяти раскулаченным: «Массовые захоронения в окрестностях села они нашли в 2018-м. И загорелись идеей создать в родном поселке мемориал, какого нет во всей России, — кулаку-спецпоселенцу. На средства президентских грантов они провели громадную работу. Чтобы установить имена жертв сталинского режима, побывали в архивах Томска, Барнаула, Бийска, Новосибирска. С поисковиками отряда Максима Елезова определили те самые границы захоронений» [Тирская 2020]. Об этом говорит и неравномерное соотношение «отвердевшей памяти» о депортациях и раскулачивании. В частности памятных знаков и памятников раскулаченным встречается гораздо меньше как на местах раскулачивания, так и в местах высылки. Можно привести только единичные примеры «паломничества» потомков раскулаченных крестьян с Алтая в места их ссылки — в северные

регионы Сибири, Нарымский или Туруханский край и установления там памятников [Новоселово 2012; Сквер Памяти 2023].

2. Память и следы депортаций в ландшафте сознания сельского населения и культурном ландшафте поселений Алтая. Сельская обыденная микротопонимика как форма коммемораций

Процессы мемориализации памяти жертв депортаций и коммеморации в современном сибирском обществе как принимающей стороне имеют многофакторный и многовекторный характер. Самой простой формой сохранения этнокультурных следов пребывания депортированных в памяти принимающего населения в селах Алтайского края является топонимика. Вызовы, связанные с заселением депортируемых, повлияли не только на ландшафт сознания и ландшафт памяти сельского общества, но и, как показывают материалы устной истории, маркируются «топонимикой» сельского ландшафта. Она имеет неофициальный характер, сохраняется в виде народных наименований-прозвищ тем или иным «местам» внутри поселений или в их окрестностях. Эти народные названия имеют устойчивый характер в повседневном употреблении сельских обществ. В данной публикации под «топонимами» и «микротопонимами» понимаются народные названия или прозвища, бытующие в общении сельских обществ, имеющие ограниченное хождение и не нанесенные на карты.

Интерес представляет соотношение социальной памяти и тех материальных следов, которые остались в поселениях и их окрестностях в виде присвоенных прозвищ местам, связанным с депортацией. Народная топонимика в виде народных названий в сельском ландшафте является первой формой «отвердения памяти». На современном этапе она выполняет функцию коммемораций и представлена микротопонимами в жилой среде, микротопонимами на кладбищах, микротопонимами в окружающем деревни пространстве. В отличие от культурной памяти в виде народных топонимов, социальная память местного сибирского населения имеет тенденцию затухания, сохраняясь только в памяти непосредственных очевидцев событий, не переходит в зону интереса или любопытства последующих поколений

местных жителей и фактически отсутствует в семейных разговорах. Сельская народная микропонимика частей или окрестностей поселений, связанная с памятью о депортациях, используется старшими поколениями в диалогах с младшими поколениями и благодаря этому сохраняется. Несомненно, сито времени просеивает и эти микропонимы, и они останутся только в виде самых устойчивых маркеров истории депортаций в народной топонимической системе региона.

Один из самых распространенных микропонимов в алтайских селах сформировался вокруг районов расселения спецпереселенцев, особенно калмыков. Как показывают полевые материалы, «калмыцкие» зоны застройки формировались инициативно самими калмыками на окраинах сел. Это не значит, что калмыки обособлялись в обязательном порядке. В полевых исследованиях зафиксировано проживание калмыков как дисперсно в селе, так и обособленно на его окраине [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. П. К. Шиллер. 2018; Д. Ф. Часовских. 2021]. Но в данной публикации речь пойдет о местах, где калмыки селились компактно, которые, видимо, настолько выделялись на общем фоне, что часто получали среди местного населения и среди самих калмыков свои названия. Самым распространенным названием для мест компактного расположения жилищ калмыков встречается «Копай-гора». Топоним «Копай-гора», а в городах — «Копай-город» как часть населенного пункта, в советское время получил широкое распространение. В их основе лежало сооружение землянок — жилищ, вкопанного в землю. В городах оно было связано, например, с большими индустриальными стройками, когда для приехавших на них строителей-добровольцев не успевали возводить жилье, и быстрым способом решения этой проблемы являлось земляное или палаточное строительство. Так первоначально выглядел один из районов в Барнауле в 1930-е гг. во время одной из комсомольскихстроек пятилетки Барнаульского Меланжевого комбината. Именно в землянках еще длительное время жили и первые работницы комбината, а сам городской микрорайон назывался в народе «Копай-город».

В селах широко распространился в военное время термин «Копай-гора». На современном этапе термин «Копай-гора» в со-

циальной памяти местного сельского населения часто ассоциируется с депортированными калмыками. Наряду с «Копай-горой» в памяти сельского населения встречаются другие названия сегментов сельской застройки с землянками калмыков. В некоторых селах Алтая окраины села, особенно на возвышенностях, называют «Шанхаем», что объясняют тем, что в годы войны там располагались землянки калмыков [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. А. Н. Сусоев. 2019]. Наряду с «Шанхаем» зафиксированы названия «Хотон» [КРС 1977: 601]¹, «Калмыцкая республика». Их появление понятно. Микропоним «Хотон», видимо, пришел с подачи самих калмыков; так назывались по-калмыцки небольшие поселения. Микропоним «Калмыцкая республика» (Калмыцкая АССР ликвидирована в 1943 г., восстановлена как автономная область в 1957 г., преобразована в республику в 1958 г.) возник по названию административно-национального образования в СССР, откуда были депортированы калмыки. Не совсем понятным является появление широко распространенного названия сегмента поселений «Шанхай». Откуда пошло оно, сибирские старожилы объяснить не могут. Некоторые связывали с антропологическими чертами калмыков по аналогии с китайцами. Но так или иначе во многих селах остались участки застройки, которые до сих пор называют «Шанхаем» или «Копай-горой».

В отличие от «хотона» или «шанхая», топоним «Копай-гора», получивший название по традициям земляного строительства, изначально не носил этнического содержания, но в ряде сел под влиянием депортаций он стал ассоциироваться с калмыками и до сих пор сохраняется в памяти местного населения как часть поселения, застроенная калмыками. Как правило, калмыки устраивали свое мини-поселение не просто на окраине, а выбирая возвышенности в окрестностях села. Отсюда добавление к слову «копай» слова «гора». Конечно, землянка не являлась калмыцким типом жилища. Для сибирских территорий, которые осваивались длительное время переселенцами — как «вольными», так и «невольными» из европейской части России, землянки часто являлись первичным жилищем, до постройки капитального жилья, в том числе при ос-

¹ Хотн — хотон, село, деревня.

новании нового села, заимки или выселка. К землянкам российские крестьяне прибегали и в неблагоприятные периоды жизни, например в период войны. Широко они использовались раскулаченными крестьянами как при выселении из села, так и при ссылке «на севера». В военное и послевоенное время землянки массово появились в селах — как у других депортированных, так и у местных сибиряков. Землянка строилась и калмыками, и русскими с углублением в землю и возведением над землей из пластов дерна (целины) невысоких стен, крыша над которыми также покрывалась дерном. Связывалось это земляное сооружение ветками, чащей, стволами кустарников, нестроевым лесом. Полевые исследования показывают увеличение доли архаичных земляных жилищ в 1930–1950-е гг. среди местного населения Алтая: как только возникали неблагоприятные условия для срубного строительства, крестьяне переходили на земляное [Щеглова 2018: 31–142].

Однако, как правило, земляные жилища местных жителей вкраплялись в застройку улиц, тогда как калмыки в силу разных причин селились обособленно, уходили на окраину села, иногда на определенном удалении, создавая самостоятельный микрорайон. Причин было много. Так сохранялось ощущение единства, и вследствие этого легче выстраивались отношения с местным населением. Так было легче общаться (большинство не знали русский язык). Так было легче сообща преодолевать трудности. Так сохранялся этнический «род» и его культура. Но немаловажным фактором стало и то, что к моменту вселения калмыков уже все возможные свободные и доступные для заселения депортированных калмыков площади были заняты семьями ранее депортированных. Полевые исследования показали, что в 1941, 1942, 1943 гг. их расселили в пустующих домах раскулаченных крестьян, в садиках и яслях, школах и клубках, т. е. в тех помещениях, которые прописывались в указах о депортациях, а также в жилых домах сибиряков. В результате потенциально возможный для заселения жилищно-производственный сельский фонд был довольно быстро исчерпан, и к появлению в сибирских селах калмыков в 1944 г. ни жилых, ни общественно-производственных помещений не осталось. Дома же сибиряков вслед-

ствие проведенного подселения депортированных и уплотнения населения в жилых помещениях буквально были переполнены. Прибывающим позднее депортированным фактически «прибиться» было негде. Но их продолжали размещать, по воспоминаниям респондентов, в перенаселенные избы, где приходилось порой говорить на нескольких языках — русском, немецком, калмыком и других, делить избытное пространство на зоны, где спали, ели, готовили пищу по этносемейному признаку [Щеглова 2021: 60–61]. Ситуация, когда в результате подселения в домах местных жителей проживали наряду с хозяевами несколько семей депортированных, в 1941–1945 гг. была привычной для алтайского села. Иногда под одной крышей оказывалось 5–7 семей. Именно отчасти поэтому калмыкам пришлось перейти к формированию своей жилой среды — землянкам. Как рассказывали респонденты, сразу, как только оттаяла весной 1944 г. земля, калмыкам (а они поступили в Алтайский край зимой 1944 г.), пережившим голод и холод, ничего не оставалось делать, как искать способы обеспечения собственным жильем, как говорят очевидцы, «рыть землянки» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы 2021 г. А. А. Захарова (дев. Мамонтова); Д. Ф. Часовских]. Этот процесс лег на женщин, стариков и подростков, так как мужчины еще не успели вернуться. Поэтому и строили в основном землянки. И держались кучно, воспроизводя в едином коллективе свои традиции покинутых степных территорий.

Способствовала этому и разница в бытовой культуре, которая ярко проявлялась в совместной жизни под одной крышей. Именно этой разницей местное население объясняло для себя обособление калмыков в тех селах, куда их привозили в значительном количестве. На обыденном уровне местное население, например, связывало это с традициями питания как части народной культуры калмыков, непривычными и непонятными для местного земледельческого населения. Например, об этом говорит респондент, объясняя, почему калмыки, в отличие от немцев, уходили с квартир сибиряков: «Немцы не копали [землянки]. Немцы жили [на квартирах]. Ну калмыки?! Почему они так у людей не могли жить [как немцы]? Потому что они вот, допустим... Я сколько раз заходила [к

ним]. Ну, мы девчонки играли, ребяташки играли вместе у них. Стоит, допустим, бочка у кого-то. Какая скотина сдохнет, они это забирали все, солили и ели. Это же все же вонь¹... Вот поэтому они копали эти землянки² и в них жили... А немцы жили на квартирах» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы 2019 г. М. А Гончаревская].

В определенной степени ассоциативные связи землянок «копай-горы» с калмыками формировали их этнокультурный образ или этнокультурный стереотип у местного населения. Их обособленность способствовала цельности этого образа, закрепленного сельской народной топонимикой.

Что касается других депортированных, то они переходили из переполненных изб и землянок к сооружению своих жилищ, с опорой на народные строительные традиции, что закрепилось народными микротопонимами в улицах сел Алтая. На обыденном бытовом уровне встречаются названия по этнонимам депортированных. Эти улицы запомнились местному населению глинобитными или саманными жилищами, литыми или плетеными мазанками, которые отличались от срубных сибирских изб. Происходящие в сельской архитектуре и застройке под влиянием депортируемых изменения местное население называло «засорением» села. Вот как описывала влияние депортаций на сельский ландшафт Р. И. Дорошенко: «жили в разных домах. В 40-е годы — саманные. Глиняные дома (саманы) делали из кирпичиков (глина с соломой) [в народе их прозвали «саманухи». — Т. Ш.]. Делали [в войну] из дерна, вырезали его [народное название «землянухи». — Т. Ш.]. Пол из глины, смажут, утрамбуют. Крыша камышовая, глиняная с соломой... Были литые дома [прозывали «литухи» — Т. Ш.]. Белили их глиной с озера (белой), километров 50 отсюда... Дома в основном были такие — кто на что горазд» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Р. И. Дорошенко].

В результате депортаций и обнищания местного сельского населения в годы войны

¹ Такие случаи происходили в семьях, члены которых голодали.

² Традиция возведения жилищ типа землянки восходит к далеким предкам калмыков. Объяснение, данное информантом, связано с незнанием обычаев другого народа и обыденными представлениями.

архитектурно-жилищная среда в сельских поселениях стала «пестрой», как говорило местное население, «неряшливой», с «засоренными улицами»: «кто саманный [дом строил]. Кто копал... Плели эти избушки маленькие. Делали, у кого какая сила была. Что делать!?» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Р. И. Дорошенко].

«Засорение», по мнению местного населения, проявилось в массовом распространении нетрадиционных для сибиряков саманных или литых домов целыми улицами или районами застройки на окраинах. Нельзя сказать, что для сибирской срубной деревни они тоже являлись кардинальными новациями. Нестабильность жизни русского населения в историческом прошлом, перманентные переселения и миграции в Сибирь, разнообразие природно-климатических условий и природно-географических ландшафтов на юге Западной Сибири вносили до депортаций в традиционное срубное строительство сибиряков разнообразные строительные материалы и технологии строительства. Однако именно депортируемые сформировали целые сегменты поселковой архитектуры за счет использования глины и других нестроєвых материалов и повлияли на строительные традиции принимающего населения. Появились Немецкие, Армянские, Хохляцкие улицы или края. В сибирских селах такое обозначение частей села по местам выхода переселенцев сформировалось еще в дореволюционный период.

Традиционно в дореволюционное время части села называли «краями»: край села — «Хохлы», «Мордва», «Рязань», «Тамбов» и др. Они обозначали этнотерриториальные группы переселенцев. В военное время эта традиция распространилась и на депортированных — Немецкая, Армянская или Хохляцкая улицы так же, как части села — «Шанхай», «Копай-гора» или «Хохлы». Но на современном этапе эти народные микротопонимы постепенно уходят из употребления по разным причинам³. Во-первых, решение жилищного вопроса в колхозах и совхозах в 1960–1980-е гг. постепенно изменило застройку села за счет сноса вет-

³ Как показывают полевые исследования, в большинстве сел названия улиц не существуют или мало сохранились.

хого жилища; расположение и внешний вид домов и тем более улиц депортированных хорошо помнят только старожилы, которых остается все меньше. Во-вторых, в Алтайском крае с большой скоростью исчезли тысячи сельских поселений, вместе с которыми исчезает и память о калмыцких «копай-горах» или Немецких саманных улицах.

Названия улиц по депортируемым народам на территории Алтайского края, как показывают полевые исследования, давались по тем народам, которые оказали наибольшее влияние на строительные приемы и традиции.

Чаще местные респонденты по влиянию на архитектуру и застройку села называют три народа — немцев, армян и «хохлов» (украинцев)¹. Немцы и армяне наибольшее влияние на архитектурный облик сибирского села оказали прежде всего тем, что «научили делать саман» и распространили саманное строительство. «Их (армян) почему-то на ту сторону вывезли (Армянская улица), они там строились. Они делали дома сами: ямы выкапывали: туда солому, глину топтали. Саманные дома» [Архив ЦУиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002 г. Т. А. Чепурных]. «Армяне это выдумали, такое строительство (саманное). Саман делали из соломы и глины. С обеих сторон обмажут, выбелят» [Архив ЦУиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002 г. В. Г. Кожемякин].

Благодаря украинцам, как говорят старожилы, сибиряки научились «лить дома», «хохлушки» научили «лить» стены. В войну в традиционном срубном жилище под влиянием украинцев и немцев распространилась штукатурка внутренних, затем и внешних стен. Как говорят сибиряки, стали «мазать стены» — хохлушки или немцы «научили шукатурить»: «они [немцы] работающие люди. Немцы научили „щикатурить“» [Архив ЦУиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1993 г. А. И. Привалова].

Принимающее население благодаря многоканальному влиянию стало путаться в названиях жилищ из глины и соломы, путать саманную технологию с глинобитной. Н. И. Ярошенко (1935 г. р.) называла «топтанкой» дом из самана: «В деревне [после

¹ Именно так называли депортируемых переселенцев с Западной Украины и Белоруссии, тогда как переселенцев с Левобережья Днепра, в том числе и крестьян, обычно называли в Сибири хохлами.

войны] все стали делать себе „топтанки“ из самана. Я тоже захотела топтанку. А уже дружила с парнем, с Шурой Ефименко. Он нам помогал эту топтанку делать. Работал на овчарне, ухаживал за овцами. Едет с работы — привезет немного соломы. Мы с матерью ее замесим — так и сделали себе хату побольше [раньше была землянка], «топтанку» [АО администрации Романовского района АК]. Примеров описания «засорения» архитектурно-застроечной среды сельских поселений множество: «мы отлили себе саманную избушку» в Романово, после войны в Романово осталось «несколько деревянных домишек-пятистенников. В основном глинобитные саманные избушки. И семьи беднее бедного» [Архив ЦУиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Е. К. Киян].

Эти «архитектурные» места памяти выполняют коммеморативную роль. На основе остатков застройки сельских поселений и народной топонимики сохраняется память сельского общества о жизни в селах депортированных немцев, калмыков, армян, украинцев и других народов. Подтверждением этому служат отрывки интервью с Петром Карловичем Шиллером (1947 г. р.), в которых описывается сельский культурный ландшафт с местами памяти о депортированных в окрестностях села Дружба (отделение Чистюнькинского свеклосовхоза Топчихинского района) и следами, оставленными депортированными:

О калмыках:

«Дом на доме был. Вот это называется Копай-гора. По эту сторону люди землянки копали, и по эту сторону землянки были. Калмыки жили. Они как-то отдельно жили. Да вот она, Копай-гора. Наверху ^...^ ставили землянки, а тут огороды были. Тут везде землянки. Вот где дерево стояло, Семен (...) землянку при мне строил. Вот, где тополь, там землянка была, в кустах. Там вот по ту сторону, тоже землянки были. Вот, где я живу, тоже землянки. Мы так и называли его: Калмыцкий поселок. Землянки голимые были. Одноклассники мои жили Обусаева Зина, Борис Очаев... (пауза). Одни калмыки жили вот здесь. Вот она шас улица идет. Эти разбросаны в разные стороны. Вот тут одни землянки были. Вот тута тоже землянки были. Вот тут жил мой друг, старше меня. Ему уже 84 года, народный артист Калмыцкой ССР, и это, еще РСФСР. Борис Очаев [Народный ар-

тист 2019]¹. Он тут с матерью жил. Вот они жили, мать и брат его. Мы так и называли ... Калмыцкий поселок и Калмыцкий пруд. В честь их назвали². [...] Тут тоже раньше ниче не было. Вот, в 41-м году³, калмыков переселили, всех туда переселили. Ну, кто в бараке был, в основном они все здесь были. В землянках [...] Да домиков не было, потом они начали строить домики. А потом уже в пятидесятых они начали строиться. Землянки, потом саманухи...» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г. П. К. Шиллер].

Об армянах.

«А строили армяне. Они в основном. Эти строители хорошие были — сейчас улица Молодежная (раньше Армянская). Вон там в углу копнешь, и там это глина и камни. Вот смотри, вот тут тоже все, везде дома были — саманы. Вот они строились уже... Вот домик [саманный] остался ... А столько народу тут было по этой улице! Уйма народу было! Тут тоже домики были. Старые армяне строили. [...] Эти тоже армяне строили. Атавасыны ... А эти были литые домики [...] Там вот, где мы проходили, телятники были, там свинарник был в углу. Саманный был свинарник. И один свинарник был, это как тоже не хуже, как землянка, под землей. Потому что саманные, они же холодные. Вырывали [землю] и вниз спускались. Маленькие эти [были] саманные свинарники. Вот где-то высоты — метра полтора. А тот в земле был» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г. П. К. Шиллер].

Но самым ярким в народной топонимике является сюжет, записанный в Топчихинском районе о формировании цепочки совхозных прудов⁴ при поселке Дружба Топ-

чихинского района, получивших названия по этнонимам депортированных народов, живущим вдоль этой цепочки — Немецкий пруд, Армянский пруд, Калмыцкий пруд, Украинский пруд, а также Русский пруд. Эта народная топонимика укрепила социальную память. К сожалению, разрушение колхозно-совхозного наследства за последние 30 лет повсеместно привело на Алтае к гибели этих искусственных водохранилищ и прудов. А вместе с ними из региональной топонимической системы уходят и многие этномикротопонимы.

П. К. Шиллер так рассказывал:

«В деревне были пруды... Руками делали плотину [...]. Заболочилась, потом вот они ивняк посадили. Вот где-то еще есть. А вот тут, смотри, тут родник бежал все время, зимой и летом. Вода холодная-холодная. Тут поле было... Вот этот пруд называется Калмыцкий. Дальше туда, тоже пруд был Армянский... А вот все это пруд этот. Вон дальше черемуха, красиво тут было все-таки. Ведь этот пруд, он от дороги идет, и идет, и идет... Русский оказался в середине, в центре. Там это Немецкий... Кленом они заросли, вот тут пруд был. Был тут, и рыбачили, сидели. Тут купались. Вот выходим [из одного пруда], и вот сюда пошли купаться. ... Потом Украинский. Купались все вместе [русские, немцы, калмыки, украинцы и другие народы, проживающие в сс. Победим и Дружба]. Такое название было — основная национальность [строилась улицами по берегам]. Вот этот был — русские и немцы и калмыки, армяне. Вот их и называли тогда. Вот национальности сами называли» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г. П. К. Шиллер].

Подводя итоги изучению социальной памяти о депортациях в принимающих сельских сообществах, в том числе с опорой на микротопонимы, на современном этапе можно отметить, что наряду с сохранением мест памяти о депортации в топонимике социальная память, в целом, имеет тенденцию к затуханию в принимающих регионах. Иную тенденцию имеет культурная память. В отличие от социальной она набирает в последние годы силу и темпы. Более того, имеет разные формы и пути формирования. «Отверждение» социальной и национальной памяти о жертвах депортаций началось в 1990-е гг. после перестройки и распада СССР, продолжается до сих пор и

¹ Речь идет о заслуженном артисте Калмыцкой АССР Борисе Эрднеевиче Очаеве, который был удостоен также звания «Народный артист Калмыцкой АССР». В период ссылки его семья проживала в с. Чистюнька Топчихинского района Алтайского края.

² Информант имеет в виду, что называли в честь проживавших в этой местности калмыков.

³ Информант путает годы: калмыки прибыли в Алтайский край в январе 1944 г.

⁴ Совхозы, как и колхозы, были втянуты в 1960–1970-е гг. в обязательное строительство прудов, с разведением рыбы, в закладку совхозных садов, в открытие кирпичных совхозных заводиков для обеспечения производственных и потребительских нужд.

имеет разные каналы и формы сохранения памяти о депортациях. Формирование культурной памяти тесно связано с процессами мемориализации и ее особенностями на разных территориях и в разное время. Нас в первую очередь интересует культурная память регионального общества, условия и факторы ее формирующие.

3. Коммуникации депортированного и принимающего населения в 1990–2020-е гг. Тенденции трансформации социальной памяти в культурную. Особенности «отверждения памяти» о депортациях в Сибири и мемориализации жертв депортаций

Для Алтайского края первой формой мемориализации стало выявление и облагораживание участков захоронений умершего депортированного населения на городских и сельских кладбищах Алтая в русле поминовения жертв разных видов репрессий. Инициаторами выступали региональные общественно-политические деятели, которые поднялись в начале 1990-х гг. наверх в водовороте радикальных перемен. Но массово региональное общественное движение еще не втянулось в процессы мемориализации жертв депортированных на Алтае, уделяя основное внимание жертвам политических репрессий 1930-х гг. Главную роль в акцентуации памяти регионального общества на депортированных в 1990-е гг. сыграли сами депортированные и их потомки, которые в процессе реабилитации все чаще обращались к местам высылки и к памяти об оставшихся в их земле предках. В результате социальная память, связывая прошлое и настоящее, проявилась в маркировке мест погребения депортированного и местного населения в 1940–1950-е гг. в виде реконструкции либо установке памятных знаков на участках захоронений на Алтае. Примером являются выявленные мемориальные зоны памяти о войне в целом и о депортированных народах в частности на старом Булыгинском кладбище гор. Барнаула. Оно было открыто для захоронений барнаульцев как Воинское в первой половине XX в. в сосновом бору почти в центре города на берегу реки Пивоварки. В 1940–1950-е гг. на его территории сформировалось несколько зон: зона захоронения военнопленных, которые умерли в эвакогоспиталях, рядом — участки, где распола-

гались Армянское, Мусульманское, Калмыцкое и Детское кладбища.

Мемориализация участников Великой Отечественной войны на его территории активно началась в 1975 г., когда к 30-летию победы в Великой Отечественной войне здесь был создан мемориальный комплекс воинам, умершим от ран в госпиталях Барнаула (на стелах 420 фамилий). Но в памяти барнаульцев сохранилась информация о других захоронениях, в том числе калмыцких и армянских. Со временем калмыцкие захоронения сравнялись с землей, и только благодаря памяти барнаульцев сохранилась информация о местах их захоронения; надписи на могильных плитах и памятниках армян стирались, но с помощью воспоминаний барнаульцев места захоронений тех и других были частично восстановлены уже в 1990-е гг. [[Памятники истории 1994](#)].

Благодаря этому важным шагом к формированию культурной памяти о жертвах депортаций на Алтае стала установка в 1994 г. на Булыгинском кладбище мемориального памятного знака на месте захоронений калмыков, отразившая единый порыв и совместные усилия калмыков и городского сообщества, которые проявились в надписи: «Покойся здесь калмыкам, умершим в 40-х – 50-х годах. От калмыцкого народа, жителей Алтая и г. Барнаула» (см. фото 1).

Инициатива на этом этапе шла не от региональной администрации и регионального сообщества, занятых в 1990-х гг. реабилитацией и мемориализацией жертв политических репрессий против населения Алтайского края, а сверху — от государственных структур Российской Федерации и Республики Калмыкия и снизу — от общественности Калмыкии — самих депортированных и их потомков. Связало движение сверху и движение снизу такое уникальное явление мемориализации и коммемораций, как «Поезда памяти». С ними связаны следующие шаги по созданию мемориальных зон и формированию мест памяти о депортированных калмыках, а также «отверждение» социальной памяти на территории как Алтайского края, так и других сибирских регионов. Поезда памяти были организованы в 1993, 2001 [[Итоги пребывания 2001](#)], 2002¹ и 2013 гг. Начавшись в

¹ Третий поезд назывался «Дети войны, дети Сибири». Состоял из 500 человек, которые роди-

Фото 1. Памятный знак на месте захоронений депортированных калмыков.

Установлен в 1994 г. Надпись «Покойщимся здесь калмыкам, умершим в 40–50-х годах.

От калмыцкого народа, жителей Алтая и г. Барнаула» (г. Барнаул, Булыгинское (старое) кладбище)

[*Photo 1.* Commemoration monument on a mass grave site for Kalmyk deportees. Installed in 1994.

Legend: 'To Kalmyk victims who deceased here in the 1940s–1950s. From the Kalmyk people, natives of the Altai and Barnaul'. Bulyginskoye (old) cemetery, Barnaul]

Республике Калмыкия, этот проект стал общероссийским. Его целью стало сохранение и передача памяти о жертвах политических репрессий в СССР. Проводились они в рамках государственной программы «Культура памяти» при поддержке Министерства культуры Российской Федерации по инициативе экс-президента Калмыкии К. Н. Илюмжинова. Как считает Э.-Б. М. Гучинова, идея поездов была поднята в Калмыкии с инициативы государства, которому было необходимо спроецировать и уложить в обществе свою точку зрения к процессу депортации народов [Гучинова 2021: 125].

Содержательно поезда памяти имели многовекторный характер деятельности — лись уже в период ссылки в Сибири, но сами не были депортированы, в отличие от участников предыдущих двух поездов. По факту рождения их можно назвать «сибиряками». Пассажиры данного поезда, будучи детьми депортированных калмыков, рожденными за Уралом, смогли проехать по тому же маршруту, что и их родители в 1943 г.

культурный, мемориальный, общественный и политический, объединив в процессах мемориализации жертв депортации калмыцкого народа и принимающего населения. В процедурах поминовения и в коммеративных практиках «Поезда памяти» и в прямом, и в переносном смысле связали территорию Калмыкии с Сибирью, так как сценарии мероприятий по ходу движения поездов включали участие и депортированных (324 пассажира были депортированы в 1943 г. в Сибирь), и сибиряков. Первый Поезд памяти с названием «Калмыкия — с благодарностью сибирякам» вышел в 1993 г. Поезд проследовал через столицы регионов, в которые в годы депортации были депортированы калмыки: Тюмень — Омск — Барнаул — Томск — Красноярск — Новосибирск. Именно благодаря поезду памяти 1993 г. в Барнауле от калмыков и барнаульцев был поставлен описанный ранее памятный знак жертвам депортации калмыцкого народа на старом Булыгинском кладбище.

Как известно, поезда, начавшись в 1993 г. с идеи поминовения жертв депортаций, произвели в публичном дискурсе разворот от трагического нарратива к позитивному с акцентом на благодарность жителям Сибири, благодаря которым депортированные, по их словам, выжили в местах размещения. Как заявлял Кирсан Илюмжинов, одной из целей было выражение благодарности сибирякам «за доброту, милосердие, поддержку в трудные для калмыцкого народа годы» (цит. по: [Гучинова 2021: 123]). В результате поезда памяти превратились в мощные площадки коммуникаций, с одной стороны, депортированного и принимающего населения, с другой — власти и общества, так как в вагонах поездов и на станциях находились люди, ставшие жертвами репрессий, ветераны Великой Отечественной войны, представители государственных органов и общественных организаций. Встречи участников «Поездов памяти» с местными жителями, совместное проведение памятных мероприятий, посещение мемориальных комплексов и памятных знаков для возложения цветов стали важными побудительными мотивами обращения регионального сообщества к памяти о депортациях.

Для алтайского сообщества «поезда памяти» стали своего рода триггером развития культурной памяти. Благодаря этим поездкам наряду с установленным на Булыгинском кладбище Барнаула появился еще ряд памятных знаков жертвам депортации калмыков в Барнауле. Второй памятный знак в виде мраморной стелы [Сегодня на Алтай 2021], установленной участниками второго «поезда памяти» по местам депортаций и захоронений калмыков, появился в 2001 г. в Барнауле на площади Свободы по инициативе и на средства Республики Калмыкии¹ (см.

¹ Эта плита была разбита в ночь с 17 на 18 марта 2002 г., позже демонтирована. Акт вандализма был направлен не против памятника, а против выбора места для его установки — Соборной площади города, где, по некоторым данным, располагалось самое старое кладбище города и где, по одной из версий, был похоронен великий изобретатель И. И. Ползунов. Такие же протесты сопровождали установку на Соборной площади 4 ноября 2010 г., в день праздника Единства России, памятника «Прощание» по проекту известного алтайского скульптора Прокония Щетинина. В отличие от памятного знака

фото 2). Надпись на нем гласила «Жертвам сталинских репрессий 1943–1957 гг. от калмыцкого народа» и строками стихотворения калмыцкого поэта Давида Кугультинова.

Таким образом, коммеморации, запущенные «сверху» — от власти к обществу — переросли границы республиканского мероприятия и ушли «в народ». Они актуализировали информацию о депортациях в коллективной памяти сибирского регионального общества, послужили триггером (толчком) в процессе «отверждения» этой памяти с формированием «мест памяти» и мемориальных зон в городском и сельском культурном ландшафте Алтайского края. Анализ процессов мемориализации показывает, что к 2000–2010-м гг. сформировалась инициатива «снизу» уже от сельских и городских обществ алтайского региона по сохранению памяти о народах, которые были депортированы на Алтай. Подтверждением этому служат события, связанные с установкой памятного знака на территории Троицкого района в местах массового применения на лесозаготовках (Боровлянский леспромхоз) труда репрессированных и депортированных в 1930–1940-е гг., в которых участвовали и депортированные, в том числе и калмыки, и местные жители (см. фото 3). Произошло это 24 июня 2016 г. в с. Заводском Троицкого района, где был поставлен мраморный знак. В комплексе мероприятий по установке и открытию памятного знака встретились память как самих жертв репрессий, так и местных жителей. О движении «снизу» от сельского общества свидетельствует история установки этого памятного знака. Началась она с появления ленточек на соснах (на предназначенных к заготовке деревьях) на лесной деляне около поселка. Местные жители помнили, что как раз на этом месте были расположены братские могилы. В знак протеста против строительства на этом месте местные жители поставили поклонные кресты, начали работу фиксации территории не только захоронений, но и расположения землянок, где проживали заключенные. Инициатором была местная жительница Мария Полинцева.

жертвам депортаций калмыков, этот памятник, несмотря на протесты, установлен и используется в общественно-политической жизни жителей Барнаула.

Фото 2. Памятный знак жертвам сталинских репрессий от калмыцкого народа
(г. Барнаул, пл. Свободы (бывш. Соборная площадь)). Открыт в 2001 г.
[Photo 2. Commemoration monument to victims of Stalinist repressions from the Kalmyk people.
Svobody St. (former Sobornaya Sq.), Barnaul. Opened in 2001]

Фото 3. Памятный знак «Жертвам репрессий».
Установлен 26 июня 2016 г. (с. Заводское, Троицкий район, Алтайский край)
[Photo 3. Commemoration monument to victims of repressions. Installed on 26 June 2016.
Zavodskoye, Troitsky District, Altai Krai]

В ходе обустройства прилегающей территории было найдено много предметов быта спецпоселенцев. Благодаря сбору документов и обращению в краевое управление природных ресурсов и экологии эти территории вывели из зоны заготовок леса¹. На месте захоронений был поставлен памятный знак. На церемонии его открытия присутствовали, с одной стороны, представители общественности — потомки репрессированных и местных жителей и, с другой стороны, представители власти — местная администрация и Общественная палата Калмыкии. Отношение к мемориализации памяти о тех событиях местного сельского населения выразилось в тексте «Жертвам репрессий».

Как пояснили сельчане, памятный знак поставлен в память тем, кто был в спецпоселениях Троицкого района — калмыкам, немцам, белорусам, армянам, литовцам и всем, кто пострадал от репрессий, в том числе местному населению. Этот пример показывает консолидацию регионального сообщества в процессе мобилизации исторической памяти и мемориализации исторического прошлого, в том числе через связи с народами, проживавшими в депортации на Алтае. Как прокомментировал старожил, очевидец происходящего в прошлом и в наши дни Г. Д. Элерт: «Вон она щас, в Заводском поставили памятник, литовцы приезжают, такие, знаменитые. Ищут, где ихние пред-

ки похоронены. И вот сейчас там камень поставили, как обелиск. И вот к нему [памятнику] каждый год приезжают и кланяются. А он [памятник] там за этим местом, где похороны [захоронения] были» [[Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы 2019 г. Г. Д. Элерт](#)].

Гарантом этой консолидации выступает общая память, которая объединяет тех и других. Как это следует из выступления-воспоминания приехавшего на открытие знака Ивана Нимгировича Басангова, члена Общественной палаты Калмыкии, в детстве жившего при Боровлянском лесничестве: «После Барнаула на каждой остановке стали отцеплять по два вагона. Наконец поезд с оставшимися остановился. Дальше никакой железной дороги не было. Сказали, что повезут на подводах. Кругом, куда ни глянь, глубокий белый снег и темный лес. Поселенцев на лошадях привезли куда-то, потом объявили, что это 108 участок Боровлянского леспромхоза. Там стояло несколько барачков, в которых и оставили жить прибывших. Каждой семье отвели по одной комнате. В первую же зиму мы похоронили маму, когда я был в четвертом классе, не стало отца, от ран, полученных на войне, умер муж сестры... Мне скоро 80, я вернулся домой в родную Калмыкию, но я с благодарностью вспоминаю Алтайский край и Троицкий район, жителей, которые помогли нам тогда пережить это непростое время» [[Делили судьбу 2016](#)].

Индивидуальная память Ивана Басангова маркируется рядом событий, которые не дают забыть о взаимоотношениях депортируемого и принимающего общества с благодарностью. Для И. Н. Басангова это связано с имянаречением — Иван, как своего рода «братания» русского мальчика Ивана и калмыцкого мальчика Олста: «Алтайский край — это мое детство. А детство — это все равно счастливое время. На Алтае я познакомился с мальчиком Ваней Кузнецовым. Я подарил ему пару значков, оставшихся от старшего брата, и кожаный портфель. Он немного старше меня, и ему пора было идти в школу. Ваня так обрадовался и сказал: „Олста (так меня тогда звали по названию урочища, в котором я родился), давай дружить по правде и давай тебя будут звать Ванькой, как и меня!“ С тех пор меня зовут русским именем Иван» [[Делили судьбу 2016](#)].

¹ Такая же история произошла в г. Барнауле в 1991 г. в районе бывшей Барнаульской тюрьмы, вокруг которой проводились массовые расстрелы и захоронения репрессированных и раскулаченных из Алтайского края в 1930-е гг., когда значительная прилегающая к СИЗО территория ленточного бора под давлением общественности была выведена из зоны застройки, с оформлением статуса городского кладбища. 19 августа 1991 г. был установлен безвозмездно первый памятный знак по инициативе ССО «Память» строительного техникума (рук. С. Ф. Бондарев), авторами проекта безвозмездно также были студенты при финансовом участии алтайского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (заместитель краевого совета Л. Д. Фатеева) в память жертв репрессий с говорящей надписью «Невинно убиенных пусть сила правды воскресит. Вечная память почившим». Сегодня он прочно вошел в общественно-культурную жизнь региона.

Тот факт, что, вернувшись в Калмыкию, он не вернулся к своему имени, говорит об особых закономерностях в развитии одновременно и травматической, и благодарной памяти, которые переплелись и ужились друг с другом. По этим причинам Иван Нимгирович был на Алтае не единожды: ездил на могилки родителей, посещал родную школу [Делили судьбу 2016].

Проявлением общественной инициативы под влиянием «поездов памяти» стала установка памятного знака в с. Урюпино Алейского района, информацию о котором собрали в экспедиции 2021 г. (см. фото 4). Он касался не столько коллективной травмы, как предыдущие безымянные памятные знаки, сколько социальной индивидуальной памяти калмыков — депортированных, умерших и похороненных на кладбище села Урюпино, так как был установлен потомками депортированных. На памятнике размещены 17 фамилий с годами смерти и внизу надпись: «От родных из Калмыкии. 26.05.2001». Среди тех, чьи фамилии написаны на памятном знаке, трое детей, родившихся и умерших в младенческом возрасте в 1950–1951, 1951–1952, 1954–1955 гг.

В 2010-е гг. на Алтае благодаря деятельности научной и культурной общественности Армении актуализировалась информация в памяти местного населения о депортированных армянах-репатриантах. Инициативу проявили армянские документалисты (Тигран Паскевичян, Сатеник Фарамазян). В 2011 г. студия «Версус» начала работу над документальным фильмом о репатриации армян в 1946–1949 гг. Однако материал, собранный в течение года, не позволил ограничиться одним фильмом. Все это переросло в большой проект «Возвращаясь на круги своя», включающий множество компонентов. К 2017 г. результатами его реализации стала документальная трилогия: «Родина моя незнакомая» (репатриация 1946–1949), «Родина моя холодная» (репрессии, депортация и адаптация репатриантов 1946–1956), «Последняя мечта или game over» (эмиграция 1960–1990). Коммеморативными продуктами являлись выставка «Человек перед лицом насилия» (армянские репатрианты в ГУЛАГе и ссылке), сборник статей «Транзитная Родина: Поиск последнего пристанища». Для Алтая большую роль сыграл документальный фильм «Правила биографии» (воспоминания старо-

Фото 4. Памятник от родных из Калмыкии (с. Урюпино, 26.05.2001)
[Photo 4. Monument to Kalmyk deportees from Kalmykia-based relatives. 26 May 2001.
Uryupino, Aleysky District, Altai Krai]

жилов алтайских сел о ссыльных армянах). В поисках следов депортированных армян-репатриантов в социальной памяти местного населения и культурном ландшафте Алтая съемочная группа посетила несколько районов Алтайского края. Приезд на Алтай группы документалистов совместно с армянскими антропологами Г. Харатьян, Г. Шагоян (НАН Армении) активизировал не только социальную память, но и научные изыскания сибирских исследователей (Н. Н. Аблажей, г. Новосибирск, Т. К. Щеглова, г. Барнаул), которые совместно с учеными НАН Армении в течение нескольких лет создавали на основе архивного и устного материала реконструкцию тех событий с опорой на коллективную и индивидуальную память как самих депортированных армян, так и принимающего населения, для которого обращение к их воспоминаниям актуализировало информацию об армянской депортации в ландшафте сознания. Создатели фильма довольно точно диагностировали состояние памяти сибирского населения о депортации армян: «хочется рассказать о фильме „Правила биографии“. В нем собраны воспоминания старожилов сел Заринского и Залесовского районов Алтайского края о выселенных в 1949 году армянах. В основном это люди, которым за 70 лет. Появление нашей съемочной группы вначале вызывало у собеседников некое замешательство. „...никто никогда не спрашивал об армянах“, — говорит Галина Максимова из Заринска, но затем с легкостью начинает рассказывать об армянской семье, которая жила у них в 1950-е гг. „Это вам для истории, да?“, — складывая дрова, спрашивает Иван Владимиров из Хмелевки и ведет нас показывать место, где когда-то была армянская землянка. „Помню, свадьбу помню...“, — сразу отвечает на вопрос об армянах Полина Куковьякина. События, связанные с армянами, как нам показалось, вспоминают, не напрягаясь (проблемы возникают лишь с непривычными армянскими именами). В течение интервью часто переходят к обобщениям, рассказывая уже о своей судьбе, о том, как они жили и работали, какие события повлияли на их жизнь в далеком прошлом» [ПМА 2017].

Оценку памяти алтайского сельского населения о депортированных армянах можно распространить и на социальную память о других депортированных народах, забыть о которых не позволяют не только общие этапы

совместной жизни старших поколений, но и следы в сельском культурном ландшафте.

Таковыми местами памяти о депортированных на Алтае являются сохранившиеся до наших дней фрагменты захоронений на деревенских кладбищах, которые последние годы берутся сельскими обществами, часто по инициативе потомков самих депортированных, под контроль и заботу. Приведем такой пример: польский участок на кладбище в с. Солонешное (Солонешенский район Алтайского края) с захоронениями поляков в 1940-е гг. (см. фото 5). В первой половине 1940 г. в Солонешное на спецпоселение были направлены депортированные поляки, позднее здесь размещался пункт вербовки в Армию Андерса.

Сельское кладбище, где хоронили умерших польских ссыльных, находится на покато холме. Инициаторами установления мест захоронения стали потомки депортированных поляков. Было известно имя польской ссыльной Халины Зарембы, которая была похоронена здесь. По просьбе ее дочери Хелены Сидорчук (Helena Zaremba-Sidorczuk) о. Анджей Обуховский, настоятель Римско-католического прихода Св. Иоанна Крестителя в Бийске, посетил Солонешное в 2005 г. и сделал фотографии заброшенного кладбища. Сведения о похороненных здесь поляках были найдены в загсе Солонешенского района (Информация на 2013 г. [Виртуальный музей 2013]).

В селе Дружба Топчихинского района сохранился участок старого кладбища, где были похоронены умершие в депортации армяне. На одной из армянских могил сохранилась запись об умершей: Сукиасян Фрося Мамиконовна (см. фото 6). На могильном камне, установленном на захоронении в армянской традиции, читается надпись, что она умерла 07.07.1951, т. е. в возрасте 18 лет. Благодаря деятельности местных краеведов стало известно, что семья обвиненного в сепаратизме (связях с дашнаками) и расстрелянного в 1937 г. Мамикона Сукиасяна была выслана из Армении первоначально в Самарскую область, а затем в Алтайский край, в Чистюньский свеклосовхоз. На момент депортации семья состояла из жены Мамикона, Марины Сагатовны, 1904 г. р., и их детей: Фроси Мамиконовны, 1927 г. р., Милкуш Мамиконовны, 1931 г. р., Жорика Мамиконовича, 1933 г. р., Грайра Мамиконовича, 1935 г. р. [Поздин 2018].

Фото 5. Заброшенное кладбище села Солонешное Алтайского края. Фото 2005 г.
Автор: настоятель Римско-католического прихода Св. Иоанна Крестителя в Бийске
о. Анжей Обуховский

[*Photo 5.* Desolate cemetery in Soloneshnoye (Soloneshnensky District, Altai Krai). 2005.
Photo by and courtesy of Rev. Andrzej Obuchowski]

Фото 6. Сельское кладбище с. Дружба (Топчихинский район, Алтайский край).
Могильный камень на захоронении армянской девушки Фроси Мамиконовны Сукиасян
[*Photo 6.* Local cemetery in Druzhba (Topchikhinsky District, Altai Krai).
Tombstone to Armenian girl Frosya M. Sukisyan]

По данным Топчихинского ЗАГС, в этой семье в 1951 г. умерла только Фрося Мамиконовна, все остальные в 1956 г. отбыли в Армению. О судьбе остальных армян из всей группы депортированных в 1949 г. в Чистюнькинский совхоз сохранились записи в Топчихинском ЗАГСе [Поздин 2018]. В этом же Топчихинском районе формой сохранения памяти о депортациях в местном сельском сообществе стало создание интернет-площадок с публикацией информации о депортированных народах. Примером является создание страницы про депортированных армян на сайте Топчихинского краеведческого музея. Как правило, инициаторами таких коммемораций являются местные краеведы и учителя истории, занимающиеся с учениками исследовательско-поисковой работой. В своей деятельности они фиксируют оставленное депортируемыми наследие в памяти местного населения, собирают воспоминания, ведут переписку с потомками депортированных, выявляют и сохраняют следы в сельском культурном ландшафте.

Такое отношение в сельских обществах отражает крестьянскую культуру поминовения и сохранения памяти о прошлом через диалоги поколений в семейном и сельском кругу, благодаря которым дошли до нас «места памяти» о депортациях. На современном этапе для этнологов и антропологов изучение памяти является одним из важнейших направлений исследований, закономерностей и тенденций ее развития и ее видов, в том числе коммемораций. И не только на примере репрессий, но и других событий прошлого, связанных с массовой историей и охватом значительных групп населения. Например, в этом ряду стоит возникшее в последние десятилетия на Алтае движение вокруг таких мест памяти, как исчезнувшие села Алтайского края и сохранившиеся от них деревенские погосты. Эти места памяти держатся на коллективной социальной памяти ее жителей, вынужденно мигрировавших в свое время из сел, включенных в списки неперспективных [Калашникова 2021; Дубасы 2012]. Места исчезнувших сел становятся местом съездов и встреч бывших жителей. Как правило, на месте большинства сел от сельских усадеб остаются ямы и возвышенности, поросшие крапивой, которую можно полноправно назвать «могиль-

ной травой», маркирующей жилую среду погибших сел. Многие места расположения сел распаханы. Но, как правило, сохраняются и огорожены деревенские кладбища. Их существование также обусловлено социальной памятью, кратковременно на протяжении жизни нескольких поколений, сохраняющую историческую и антропологическую информацию. К коммеморативным практикам можно отнести как «съезды» жителей для встреч и воспоминаний, так и посещения могил в дни поминовений родных и близких (родительские дни, Красная Горка, Троица) на деревенских погостах. Для защиты кладбищенского пространства и надмогильных памятников участниками мемориализации делается опашка территории погоста глубоким рвом, чтобы случайно оно не попало под запашку или не забредал скот. Нельзя сказать, что это движение по мемориализации памяти о людях, живших в исчезнувших селах, является повсеместным, но оно расширяется в последние годы. При проведении полевых исследований встречается много территорий исчезнувших сел и заброшенных кладбищ, которые окружены заросшими травой рвами [Щеглова 2008: 479–487].

Отношение к местам памяти о прошлом, касающимся жизни поколений предшественников, является ключевой и основной частью культуры памяти как регионального, так и всего общероссийского общества. Фрагменты этой культуры входят в историко-культурное наследие и свидетельствуют о состоянии общества и государства, перспективах их развития, здоровья общества. Культура памяти является существенным условием консолидации общества вокруг принятия прошлого во всех его проявлениях и существования этого общества в настоящем. Таким мемориальным местом культурной памяти можно назвать кладбище в поселке Дружба Топчихинского района (бывшее отделение Чистюнькинского свеклосовхоза), которое демонстрирует историю депортаций на Алтай в 1940–1950-е гг., отражая разные волны этнических миграций. Наш респондент нашел ему емкое и говорящее определение: «Святое поле». Во время посещения кладбища житель Топчихинского района П. К. Шиллер, подводя к сохранившимся надмогильным камням на армянских захоронениях, к

немецким крестам и пирамидкам, к калмыцким холмикам, русским и украинским крестам и пирамидкам со звездами, перечисляя запомнившиеся ему имена и фамилии похороненных, рассказывая о них, назвал весь погост «Святым полем». Отрывок из его интервью показывает, что память в сельских обществах на уровне старших поколений еще сохранилась:

«Вот это старые могилки. Вот здесь заросло, тут калмыцкие могилки были. Вот это тоже старые могилки, вот здесь. Тоже заросли уже все. Тоже где калмыки лежали (пауза, и далее поясняет, почему не сохранилось памятных знаков). А у них, дощечки они только ставили. Калмыцкие могилки были в этом месте. Артист (Борис Очаев), получается, у него похоронены мать и брат — с голоду умер. Не мать, а бабушка. С голоду, жрать нечего было. Это армянские могилки. Вот это похоронены мои соседи. Саркисян. Вот их Ефросинья, год рождения двадцать седьмой год, до пятьдесят пятого [дожила]... Тут еще могилки были, но их нет, а вот эти остались памятники. Святое поле» [[Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г. П. К. Шиллер](#)].

4. Заключение

Подводя итоги проведенному исследованию, можем сделать предварительные выводы. Во-первых, история депортаций касается не только депортированных народов и их принудительной высылки. В этом отношении можно говорить о расширительном толковании слова «депортация», включая весь период проживания депортированных в местах ссылки или спецпоселений, до появления во второй половине 1950-х гг. указов, в соответствии с которыми репрессированные народы стали постепенно возвращаться на места своего прежнего жительства [[Указ 1956а](#); [Указ 1956б](#)].

Поэтому изучение памяти о депортациях в российском обществе должна охватывать как депортированное, так и местное население. Это важно, в том числе, и для всего российского полиэтнического общества, для сохранения его общественного здоровья и трансляции культуры памяти. Что касается самой памяти, и это, во-вторых, то на современном этапе она представлена как социальной памятью, которая имеет ограниченный срок существования, так и культурной

памятью, которая, «затвердев», передается последующим поколениям на длительную перспективу, имея не только мемориальное значение, но и оздоравливающее, и воспитательное. В-третьих, изучение социальной (коллективной и индивидуальной) памяти показывает, что депортация по-разному осталась в памяти депортированного и принимающего населения. Основными ее носителями являются семьи депортированных как на уровне старших поколений, которые на современном этапе представлены детьми тех, кого депортировали, и тех, кто родился уже в депортации, так и на уровне их потомков, у которых сформировался значительный след в сознании благодаря семейной памяти и семейному проговариванию трагических событий. Состояние памяти о депортациях у депортированного и принимающего населения показывает, что травматическая и социальная память имеют разные сроки хранения информации и тенденции развития. Память сибирского населения тоже хранит информацию о депортации и депортированных в их селе. Но в отличие от памяти депортированных эта информация не находится в центре внимания, не востребована или мало востребована в семейном кругу. По этой причине ее носителями выступает преимущественно старшее поколение, представленное очевидцами событий. В-четвертых, на современном этапе социальная память постепенно трансформируется в культурную память. Логика этих процессов включала несколько этапов. На этапе реабилитации по инициативе сверху, от государства, в начале 1990-х гг. актуализировалась социальная память, и начался период проговаривания травмы. Затем по инициативе государства, как на уровне Российской Федерации, так и на уровне республик, возникло движение по формированию и увековечиванию памяти жертв депортаций. Самым ярким выражением стали «Поезда памяти» калмыцкого народа в места депортации, которые эмоционально являлись одновременно выражением скорби по родным и близким и благодарности принимающему населению, благодаря которому удалось сгладить негативные последствия государственной политики принудительных переселений. Эти «Поезда памяти» стали площадками коммуникаций одновременно власти и общества, депортированного и си-

бирского населения. В 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. начался процесс «отверждения памяти» с установки сначала в национальных республиках и округах, а затем в местах высылки памятников, памятных знаков, сбора и публикации воспоминаний депортированных, создания интернет-продуктов и т. д. Запущенные государством и депортированными народами процессы формирования культурной памяти нашли отклик у принимающего общества. И уже в 2010–2020-е гг. в процессы мемориализации, инициированные депортированными народами, подключается местное сибирское общество, выявляя места памяти и увековечивая их. Вместе с тем культурная память местного населения сформировалась ранее и имела разные

формы коммемораций, связанных со следами депортаций не только в ландшафте сознания, но и в культурном ландшафте сел и их окрестностей. К ним относится народная топонимика, имеющая до сих пор хождение в обыденной повседневной жизни современного сельского населения Алтайского края. Культурная память существует также в виде фрагментов захоронений депортированных на деревенских погостах. Таким образом, на основе социальной и культурной памяти депортированного и принимающего населения совместными усилиями формируется культура памяти, наличие которой является гарантом перспективного будущего полиэтнического российского общества.

Полевые материалы автора

ПМА 2017 — Полевые материалы Т. К. Щегловой, запись 23 декабря 2017 г.

Источники

- АО администрации Романовского района АК — Ярошенко (Гринь) Наталья Ивановна, 1935 г. р. с. Дубровино, Романовский район: Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Ч. 1: Женщина и война; Ч. 2: Дети войны): рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.
- Архив ЦУИиЭ АлтГПУ — Архив Центра устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета (записи: М. А. Гончаревская, 1939 г. р., Троицкий район, с. Троицкое; Т. А. Чепурных, 1926 г. р., Зональный район, п. Урожайный; Р. И. Дорошенко, 1937 г. р., Романовский район, с. Дубровино; Е. К. Киян, 1942 г. р., Романовский район, с. Романово; А. И. Привалова, 1913 г. р., Смоленский район, с. Точильное; П. К. Шиллер, 1947 г. р., Топчихинский район, пос. Дружба; В. Г. Кожемякин, 1931 г. р., Зональный район, п. Урожайный; А. А. Захарова (дев. Мамонтова), 1934 г. р., Алейский район, с. Урюпино; Д. Ф. Часовских, 1939 г. р., Алейский район, с. Урюпино; Г. Д. Элерт, 1935 г. р., Троицкий район, с. Зеленая Поляна; А. Н. Сусоев, 1936 г. р., Курьинский район, с. Трусово).
- Декларация 1989 — Декларация Верховного

Author's Field Data

Field data of T. Shcheglova. Rec. on 23 December 2017. (In Russ.)

Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». 14.11.1989 // Ведомости народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. 15 ноября. № 23. С. 607.

Указ 1956а — Указ Президиума Верховного совета СССР от 17 марта 1956 года «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении» [электронный ресурс] // Инф.-правовая база «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/6331041/> (дата обращения: 10.07.2023).

Указ 1956б — Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны». 16 июля 1956 г. [электронный ресурс] // ГА РФ. Ф. 207. Т. 4. Папка 15. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165844-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-o-snyatii-ogranicheniy-po-spetsposeleniyu-s-chechentsev-ingushey-karachaevtsev-ichlenov-ih-semey-vyselennyh-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-16-iyulya-1956> (дата обращения: 10.07.2023).

Sources

Altai State Pedagogical University, Center of Oral History and Ethnography, Archive (Informants:

M. Goncharevskaya, b. 1939, Altai Krai, Troitsky District, Troitskoye; T. Chepurnykh, b. 1926, Zonalny District, Urozhainy; R.

- Doroshenko, b. 1937, Romanovsky District, Dubrovino; E. Kiyani, b. 1942, Romanovsky District, Romanovo; A. Privalova, b. 1913, Smolensky District, Tochilnoye; P. Schiller, b. 1947, Topchikhinsky District, Druzhba; V. Kozhemyakin, b. 1931, Zonalny District, Urozhainy; A. Zakharova (née Mamontova), b. 1934, Aleysky District, Uryupino; D. Chasovskikh, b. 1939, Aleysky District, Uryupino; G. Elert, b. 1935, Troitsky District, Zelenaya Polyana; A. Susoev, b. 1936, Kuryinsky District, Trusovo). (In Russ.)
- Declaration of the Supreme Soviet of the USSR of 14 November 1989 Proclaiming the Forced Relocations of Repressed Soviet Citizens Illegal and Unlawful, and Securing Their Rights. *Vedomosti narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR*. 1989, November 15. No. 23. P. 607. (In Russ.)
- Natalya I. Yaroshenko (née Grin), b. 1935, Dubrovino, Romanovsky District (Altai Krai). In: Collected Memoirs of Romanovsky District Residents about the Great Patriotic War of 1941–1945 and Related Events (Pt. 1: Woman and War. Pt. 2: Children of War). Manuscript. At: Administrative Office of Romanovsky District (Altai Krai, Russia), Archival Department. Coll. P-67. Cat. 1. File 47. (In Russ.)
- Order of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 16 July 1956 on Elimination of Special Settlement-Related Restrictions for Ethnic Chechens, Ingushes, Karachays, and Members of Their Families Relocated during the Great Patriotic War. At: State Archive of the Russian Federation. Coll. 207. Vol. 4. File 15. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165844-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-o-snyatii-ogranicheniy-po-spetsposeleniyu-s-chechentsev-ingushey-karachaevtsev-i-chlenov-ih-semey-vyselennyh-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-16-iyulya-1956> (accessed: 10 July 2023). (In Russ.)
- Order of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 17 March 1956 on Elimination of Legal Status-Related Restrictions for Ethnic Kalmyks and Members of Their Families in Special Settlement Areas. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/6331041/> (accessed: 10 July 2023). (In Russ.)
- Электронные ресурсы**
- Виртуальный музей 2013 — Польский участок на кладбище в с. Солонешное [электронный ресурс] // Музей ГУЛАГа. URL: <http://gulagmuseum.org/showObject.do?object=294082144&language=1> (дата обращения: 15.07.2013).
- Делили судьбу 2016 — Делили судьбу, хлеб и картошку [электронный ресурс] // Алтайская правда (Новости Барнаула и Алтайского края). 26 июня 2016 г. URL: <https://www.ap22.ru/paper/Delili-sud-bu-hleb-i-kartoshku.html> (дата обращения: 15.07.2023).
- Дубасы 2012 — Дубасы, Якуниха и Каменушка — исчезнувшие села Заринского района // Эра: Электронные ресурсы Алтая. URL: <http://era.altlib.ru/771?ysclid=los65inb8y23320162> (дата обращения: 10.09.2023).
- Итоги пребывания 2001 — Итоги пребывания «Поезда Памяти калмыцкого народа» в Барнауле [электронный ресурс] // ИА «Амител». Новости Барнаула. 28 мая 2001 г. URL: <https://www.amic.ru/news/prochee/itogi-prebyvaniya-poezda-pamyati-kalmyckogo-naroda-v-barnaule> (дата обращения: 15.07.2023).
- Калашникова 2021 — Калашникова Е. История забытого села Куличье [электронный ресурс] // Русское географическое общество: Алтайское краевое отделение. 3 июня 2021 г. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/istoriya-zabytogo-sela-kuliche> (дата обращения: 10.09.2023).
- Народный артист 2019 — Народный артист Калмыкии отметил юбилей [электронный ресурс] // МК.ru. Культура. 08.06.2019. URL: <https://www.mk-kalm.ru/culture/2019/06/08/narodnyy-artist-kalmykii-otmetil-yubiley.html> (дата обращения: 01.04.2023).
- Новоселово 2012 — Новоселово. Памятник крестьянам с Алтая, спецпереселенцам в Нарымский край [электронный ресурс] // Музей «Следственная тюрьма НКВД». Май 2012 г. URL: https://nkvd.tomsk.ru/projects/regional_memorials_and_tablets/memorials_memorial_tablets_regional/Novoselovo (дата обращения: 01.09.2023).
- Памятники истории 1994 — Памятник истории и культуры регионального значения. Постановление АКЗС № 169 от 28.12.1994 [электронный ресурс] // Платформа материалов Pandia.ru. Объекты культурного наследия регионального значения (памятники архитектуры и истории). URL: <https://pandia.ru/text/80/211/47521.php> (дата обращения: 15.07.2023).
- Поздин 2018 — Поздин С. В. Репрессированные армяне в Топчихинском районе [электронный ресурс] // Топчихинский район: краеведческий сайт. История. 4.06.2018. URL: <http://top-kraeved.ru/repressirovannye->

- armjane-v-topchihinskom-rajone/ (дата обращения: 15.07.2023).
- Сегодня на Алтай 2021 — Сегодня на Алтай прибывает поезд памяти из Республики Калмыкия под девизом «Калмыки — с благодарностью к сибирякам» [электронный ресурс] // ИА «Амител». Новости Барнаула. 25 мая 2001 г. URL: <https://www.amic.ru/news/prochee/segodnya-na-altay-pribyvaet-poezd-pamyati-iz-respubliki-kalmykiya-pod-devizom-kalmyki-s-blagodarnostyu-k-sibiryakam> (дата обращения: 15.07.2023).
- Сквер памяти 2023 — Сквер Памяти раскулаченных открылся в селе Палочка [электронный ресурс] // Вести-Томск — Новости Томска и области. 26.06.2023. URL: <https://www.tvtomsk.ru/news/86860-skver-pamjati-raskulachennyh-otkrylsja-v-sele-palochka-verhneketskogo-rajona.html> (дата обращения: 01.09.2023).
- Тирская 2020 — Тирская С. Первый Центр памяти раскулаченных имеет непосредственное отношение к Алтаю [электронный ресурс] // Алтайская правда. 21 сентября 2020. URL: <https://www.ap22.ru/paper/Pervyy-Tsentr-pamyati-raskulachennyh-imeet-neposredstvennoe-otnoshenie-k-Altayu.html> (дата обращения: 10.09.2023).
- Novoselovo (accessed: 1 September 2023). (In Russ.)
- People's artist of Kalmykia celebrated his jubilee. On: MK.ru (Moskovskij Komsomolets newspaper). Culture. Posted on 8 June 2019. Available at: <https://www.mk-kalm.ru/culture/2019/06/08/narodnyy-artist-kalmykii-otmetil-yubiley.html> (accessed: 1 April 2023). (In Russ.)
- Polish section of Soloneshnoye village cemetery. On: Gulag Museum. Available at: <http://gulagmuseum.org/showObject.do?object=294082144&language=1> (accessed: 15 July 2013). (In Russ.)
- Pozdin S. V. Repressed Armenians in Topchikhinsky District. On: Topchikhinsky District (website of local history and lore). History. Posted on 4 June 2018. Available at: <http://top-kraeved.ru/repressirovannye-armjane-v-topchihinskom-rajone/> (accessed: 15 July 2023). (In Russ.)
- Shared destiny's burden, bread and potatoes. On: Altaiskaya Pravda newspaper (website). Posted on 26 June 2016. Available at: <https://www.ap22.ru/paper/Delili-sud-bu-hleb-i-kartoshku.html> (accessed: 15 July 2023). (In Russ.)
- Square in memory of dekulakized [peasants] opened in Palochka village. On: Vesti-Tomsk. News of Tomsk and Tomsk Oblast. Posted on 26 June 2023. Available at: <https://www.tvtomsk.ru/news/86860-skver-pamjati-raskulachennyh-otkrylsja-v-sele-palochka-verhneketskogo-rajona.html> (data obrashcheniya: 01.09.2023).
- Tirskaya S. First memorial center of dekulakized [peasants] has direct relation to Altai. On: Altaiskaya Pravda newspaper (website). Posted on 21 September 2020. Available at: <https://www.ap22.ru/paper/Pervyy-Tsentr-pamyati-raskulachennyh-imeet-neposredstvennoe-otnoshenie-k-Altayu.html> (accessed: 10 September 2023). (In Russ.)
- Internet Sources**
- Dubasy, Yakunikha and Kamenushka — extinct villages of Zarinsky District. On: Era. Online Resources of the Altai. Available at: <http://era.altlib.ru/771?ysclid=los65inb8y23320162> (accessed: 10 September 2023). (In Russ.)
- Kalashnikova E. History of godforsaken Kulichye village. On: Russian Geographical Society. Altai Department. Posted on 3 June 2021. Available at: <https://www.rgo.ru/ru/article/istoriya-zabytogo-sela-kuliche> (accessed: 10 September 2023). (In Russ.)
- Kalmyk people's train of memory in Barnaul. On: Amitel news agency. News of Barnaul. Posted on 28 May 2001. Available at: <https://www.amic.ru/news/prochee/itogi-prebyvaniya-poezda-pamyati-kalmyckogo-naroda-v-barnaule> (accessed: 15 July 2023). (In Russ.)
- Kalmyks arrive with hearty thanks to Siberians: Altai to welcome train of memory from Kalmykia today. On: Amitel news agency. News of Barnaul. Posted on 25 May 2001. Available at: <https://www.amic.ru/news/prochee/segodnya-na-altay-pribyvaet-poezd-pamyati-iz-respubliki-kalmykiya-pod-devizom-kalmyki-s-blagodarnostyu-k-sibiryakam> (accessed: 15 July 2023). (In Russ.)
- Monument of history and culture of regional significance. Decree of Altai Krai Legislative Assembly no. 169 of 28 December 1994. On: PANDIA (Pandiaru). Monuments of Cultural Heritage of Regional Significance (Architecture and History). Available at: <https://pandia.ru/text/80/211/47521.php> (accessed: 15 July 2023). (In Russ.)
- Novoselovo. Monument to peasant natives of Altai relocated to Narynsky Krai. On: NKVD Jail Museum. May 2012. Available at: https://nkvd.tomsk.ru/projects/regional_memorials_and_tablets/memorials_memorial_tablets_regional/

Литература

- Алексанян 2007 — Алексанян А. Сибирский дневник. 1949–1954 гг. Ереван: Гитутюн, 2007. 394 с.
- Ассман 2014 — Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛО, 2014. 328 с.
- Бруль 1995 — Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха: Топчихинск. Тип., 1995. Ч. 1. 192 с.; Ч. 2. 222 с.
- Бугай 1995 — Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. 320 с.
- Гучинова 2021 — Гучинова Э.-Б. М. Представляя депортацию калмыков: от поездов памяти к медиапроектам // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 1. С. 117–135. URL: <https://shagi.ranepa.ru/steps/article?viewid=835> (дата обращения: 17.05.2023). DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-117-135
- Земсков 1995 — Земсков В. Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 118–127.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 760 с.
- Полян 2010 — Полян П. Увековечение памяти о депортированных — дело рук самих депортированных. Заметки о мемориализации тотальных насильственных миграций [электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2010. № 3(71). URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6960-uvekovechenie-pamyati-o-deportirovannykh-delo-ruk-samix-deportirovannykh-zametki-o-memorializacii-totalnykh-nasilstvennykh-migracij.html (дата обращения: 10.09.2023).
- Щеглова 2008 — Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.
- Щеглова 2018 — Щеглова Т. К. Жилище русских крестьян юга Западной Сибири в контексте развития традиционной крестьянской системы преодоления трудностей в XIX – первой половине XX столетий // Щеглова Т. К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции: монография. Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 31–142.
- Щеглова 2021 — Щеглова Т. К. «Тут полно было всяких наций»: депортации 1939–1949 годов в памяти сибирского сельского населения // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 53–72. DOI: 10.17223/2312461X/32/3
- Assmann A. The Long Shadow of the Past: Culture of Memory and Politics of History. B. Khlebnikov (transl.). Moscow: NLO, 2014. 328 p. (In Russ.)
- Brul V. I. Germans in Western Siberia. Topchikha: Topchikha Print Shop, 1995. Pt. 1, 192 p. Pt. 2, 222 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. Lavrentiy Beria to Joseph Stalin: 'Following Your Instructions...'. Moscow: AIRO-XX, 1995. 320 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. Performing the Deportation of Kalmyks: From memory trains to media projects. *Shagi/Steps*. 2021. Vol. 7. No. 1. Pp. 117–135. Available at: <https://shagi.ranepa.ru/steps/article?viewid=835> (accessed: 17 May 2023). (In Russ.) DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-117-135
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 760 p. (In Kalm. and Russ.)
- Polyan P. Memorialization of deported victims be the deported victims' job: Notes on memorialization of forced community relocations. *Neprikosnovennyi zapas (NZ)*. 2010. No. 3(71). Available at: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6960-uvekovechenie-pamyati-o-deportirovannykh-delo-ruk-samix-deportirovannykh-zametki-o-memorializacii-totalnykh-nasilstvennykh-migracij.html (accessed: 10 September 2023). (In Russ.)
- Shcheglova T. K. "There used to be different nations here": Deportations of the years 1939-1949 in the memory of Siberian rural population. *Siberian Historical Research*. 2021. No. 2. Pp. 53–72. DOI: 10.17223/2312461X/32/3
- Shcheglova T. K. Russian peasant dwellings in the south of Western Siberia: A perspective from the traditional peasant system developed to overcome difficulties in the nineteenth to mid-twentieth centuries. In: Shcheglova T. K. Culture and Everyday Life of Rural Russians in the South of Western Siberia, 1930s–1950s: Dwelling, Food, Clothing, Family and Labor Traditions. Monograph. Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2018. Pp. 31–142. (In Russ.)
- Shcheglova T. K. Village and Peasantry in Twentieth-Century Altai Krai: Oral History. Monograph. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University, 2008. 528 p. (In Russ.)
- Zemskov V. N. Revisiting the scale of repression in the Soviet Union. *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*. 1995. No. 9. Pp. 118–127. (In Russ.)